

DOI: 10.12731/2218-7405-2014-11-10

УДК 811.111'42+811.161.1'42

РОЛЬ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ ЕДИНИЦ В РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ КАТЕГОРИЧНОСТИ В УСТНОЙ РЕЧИ

Викторова Е.Ю.

В статье на материале устной научной речи русского и английского языков исследуется функционирование коммуникативных единиц со значением категоричности/некатегоричности, выполняющих в речи вспомогательную дискурсивную функцию.

Целью исследования является выявление зависимости количественных и качественных параметров употребления единиц, повышающих и понижающих категоричность, от языка и монологического/диалогического вида речи. При анализе использованы **методы** сплошной выборки, дискурсивного анализа, сравнительный и количественный.

Результаты. Установлено, что в устной речи сигналы повышения/понижения категоричности используются чаще, чем в письменной. Самая высокая частота употребления этих единиц отмечена в спонтанной диалогической речи, самая низкая – в монологической речи. Доказана зависимость частоты использования дискурсивов категоричности и некатегоричности от языка: в русских материалах преобладают средства со значением категоричности, в английских – некатегоричности. Полученные результаты подтверждают мнение об английской речи как о довольно мягкой, неимпозитивной, некатегоричной по сравнению с русской. Лексические средства реализации категории категоричности/некатегоричности универсальны для монологического и диалогического видов дискурса и для двух языков.

Применение результатов. Знания и навыки, связанные с правильным, уместным, адекватным ситуации употреблением единиц, повышающих и понижающих категоричность, составляют важную часть коммуникативной компетенции, которой следует обучать при изучении не только иностранного языка, но и родного.

Ключевые слова: научная речь; вспомогательные коммуникативные единицы; дискурсивные слова; категоричность; некатегоричность; смягчение.

THE ROLE OF SUPPLEMENTARY COMMUNICATIVE UNITS IN BOOSTING AND HEDGING OF SPOKEN DISCOURSE

Viktorova E.Yu.

The article studies supplementary communicative units functioning as discourse markers with the boosting and hedging meanings. The research is based on Russian and English spoken academic discourse.

The purpose of the research is to reveal the language and monologue/dialogue dependence of quantitative and qualitative parameters in usage of boosters and hedges.

Methods of continuous sampling, discourse analysis, comparative and quantitative analysis were applied.

Results. *The article proves that boosting and hedging signals are more frequent in spoken than in the written language. The highest frequency of occurrence of these units is registered in spontaneous dialogue, the lowest – in monologue. The frequency of occurrence of boosters and hedges also depend on the language: in Russian data it is boosters that prevail, in English – hedges. The obtained results confirm the opinion about English discourse as of softened, mitigated and non-imperative in comparison with Russian discourse. The lexical means that realize the boosting/hedging category are universal in monologue and dialogue, as well as in Russian and English data.*

Practical implications. *The knowledge and the skills of correct, situationally adequate and appropriate usage of boosters and hedges make up an important part of communicative competence which should be taught not only to foreign language learners but to native speakers as well.*

Keywords: *academic discourse; supplementary communicative units; discourse markers; boosting; hedging; spoken discourse.*

Введение

Вспомогательные коммуникативные единицы (далее ВКЕ) рассматриваются нами как особая система транскатегориальных единиц, основное предназначение которых состоит в помощи коммуникантам (и адресанту, и адресату) в оформлении речи на всех стадиях дискурсивного процесса – во время создания, реализации и восприятия дискурса. Эти единицы противопоставлены основным, самостоятельным единицам коммуникации, передающим про-

позициональную, фактуальную информацию – информацию первого плана. ВКЕ – единицы второго, вспомогательного уровня коммуникации, передают информацию коммуникативно-прагматического характера. Эти единицы отражают взаимодействие между автором речи и ее адресатом, передают информацию в оценочно-интерпретационном, контакто-регулирующем плане межличностных отношений. Кроме того, ВКЕ направлены на организацию дискурса, его связность и цельность, на ориентацию в нем адресата для оптимального восприятия как фактуальной, так и коммуникативной информации [1]. В русистике единицы такого рода в последние десятилетия известны как дискурсивы или дискурсивные слова [8; 9].

В центре нашего внимания в этой статье находятся дискурсивы, которые мы условно называем регулятивами, имея в виду их роль в регуляции процесса коммуникации с точки зрения взаимодействия говорящего/слушающего и личного участия говорящего (например, выражение его мнения, оценок, отношений).

В целом все вспомогательные элементы, выполняющие и регулятивные, и организаторские функции, помогают адресату интерпретировать высказывание адресанта, экономят его мыслительные усилия в плане интерпретации смысла высказывания, управляют вниманием адресата, улучшают качество восприятия дискурса и увеличивают скорость его восприятия [9; 23; 26], а значит, служат важным средством предупреждения различных коммуникативных рисков. Одним из таких рисков, который может проявиться практически в любом жанре любого типа дискурса это повышенная категоричность речи. Если речь говорящего производит излишне категоричное или даже просто категоричное, но неуместное в данной ситуации впечатление, то это приводит к различным коммуникативным сбоям и неудачам – от психологического дискомфорта в общении для слушающего, нарушения коммуникативного равновесия, до полного отказа адресата от общения и прекращения речевого контакта. Таким образом, рискогенность и конфликтогенность категории категоричности являются ее неоспоримыми свойствами [2; 11].

Целью исследования является сопоставление особенностей использования средств повышения и понижения категоричности в устной научной коммуникации русского и английского языков, а также выявление зависимости количественных и качественных параметров употребления этих единиц от языка и монологического/диалогического вида речи.

Материалы и методы исследования

Научная речь представлена диалогической формой – научными обсуждениями (на русском языке), интервью с учеными разных областей наук, а также монологической – лекциями по лингвистике, химии, физике, психологии. Все жанры (кроме научных обсуждений) изучены на

материале русского и английского языков в равных объемах. Таким образом, всего проанализировано более 66 000 словоупотреблений и зарегистрировано 698 ВКЕ со значением категоричности/некатегоричности в русских материалах и 360 – в английских. ВКЕ отбирались методом сплошной выборки. При анализе использованы метод дискурсивного анализа, сравнительный и количественный методы исследования.

Обзор иностранной и отечественной литературы

Традиционно категоричность определяется как коммуникативная категория сопутствующего (необязательного) типа, реализующая регулятивные социально-этические функции [10]. Вероятно, категоричность следует считать градуальной категорией [21], поскольку наряду с собственно категоричными и некатегоричными высказываниями возможно выделение и промежуточных типов (например, нейтральных, скорее категоричных или скорее некатегоричных). Категоричность, как правило, означает догматичность, ультимативность, беспепелляционность, чрезмерную уверенность в собственных словах и знаниях; некатегоричность подразумевает осторожность, предусмотрительность, заботу об интересах собеседника, стремление к согласию, соблюдение принципов кооперативного общения [7]. Мы согласны с теми лингвистами (например, [2; 11]), которые видят в категоричности не только ее негативную роль, но также отмечают и ее позитивное влияние на коммуникацию и ее эффективность, то есть выделяют категоричность продуктивную и непродуктивную. Конфликтотенной считается непродуктивная категоричность, которая часто выражена эксплицитно. Продуктивная, напротив, помогает автору эффективно воздействовать на адресата. Важно, что продуктивная категоричность граничит «с глубокой убежденностью автора в справедливости высказанных суждений» [11, с. 63], а следовательно не оказывает на адресата импозитивного давления, воспринимается им положительно. Такая категоричность часто бывает имплицитной, выражается косвенно.

Категоричность/некатегоричность тесно связана с другими коммуникативными категориями и понятиями: вежливостью, кооперацией, модальностью, толерантностью, точностью, определенностью, объективностью, достоверностью, прямоотой, импозитивностью [20; 11; 12; 22; 7; 14; 2; 25; 28]. Категоричность и средства ее повышения/понижения довольно подробно изучены лингвистами в разных языках [24]. Причем чаще в фокусе внимания исследователей находится «отрицательный» член этой категориальной оппозиции – некатегоричность. Но он, несомненно, положительный в отношении той роли, которую некатегоричность играет в коммуникации, что и объясняет повышенный интерес именно к средствам снижения категорич-

ности, и обуславливает необходимость их исследования в целях правильного использования в речи для повышения ее эффективности.

В последнее время получил распространение заимствованный из англистики термин «митигация» (от лат. *mitigare* – смягчать, ослаблять), который в общем можно признать близким к некатегоричности. Митигация означает минимизацию возможных нежелательных эффектов в общении в ситуациях, связанных с коммуникативными рисками: отказ в ответ на просьбу, сами просьбы, негативные оценки, критика адресата и т.п. [27; 22]. Митигация является способом снижения уязвимости как говорящего, так и адресата, снижения ожидаемого отрицательного эффекта речевого акта, избегания угрозы лица коммуникантов и предотвращения конфликта [33].

В англоязычной лингвистике наиболее изученным явлением в рамках категории некатегоричности и наиболее частотным термином в этой области лингвистики являются так называемые «hedges». Этот термин сложно перевести на русский язык, поэтому иногда в русскоязычной литературе встречаются кальки «хедж» и «хеджинг» [14]. Глагол *to hedge* среди своих значений в современном английском языке имеет «увеливать, уклоняться от прямого ответа», «возводить барьеры, ограждать», «страховать себя». Хеджами принято называть разнообразные средства, снижающие категоричность, определенность высказывания, придающие ему более сдержанный, умеренный характер, реализующие стратегии коммуникативной модерации, страхующие коммуникантов от коммуникативных неудач, позволяющие им сохранить лицо [31; 29; 25; 34; 32; 28].

В русистике исследования средств, понижающих категоричность, не отличаются такой глобальностью и широтой, как в англистике. Термины «категоричность», «некатегоричность», «смягчение» стали использоваться только в последние десятилетия. Тем не менее, многие из лексических средств, сейчас изучающихся в рамках категории категоричности/некатегоричности и смягчения, имеют давнюю историю изучения в русском языке. На наш взгляд, наиболее исследованным пластом такой лексики являются модальные слова. Самым известным и одним из наиболее полных исследований модальных слов и частиц до сих пор остается глава книги В.В. Виноградова «Русский язык» (1947 г. – 1-е издание) и в частности разработанная ученым 12-ти разрядная классификация модальных слов и частиц, основанная на их значении и употреблении [6]. В «Русской грамматике-80» помимо модальных представлены и подробно описаны и вводные слова [19]. Эти языковые средства широко представлены и в более современных исследованиях, посвященным различным аспектам их формы, семантики и функционирования [3; 17; 18; 15; 16]. Следует сказать, что русские модальные и вводные слова

в интерпретации В.В. Виноградова и авторов «Русской грамматики-80», лексические средства реализации английских хеджей и митигации по своим значениям и функциям во многом совпадают с дискурсивными словами, которые являются предметом нашего исследования.

Описание исследования

Данная статья посвящена изучению дискурсивов-регулятивов, напрямую связанных с категорией категоричности/некатегоричности, т.е. специализирующиеся на повышении/понижении категоричности высказывания. Эта группа состоит в основном из модальных слов и выражений (*конечно, разумеется, очевидно, наверное, видимо, возможно, может быть, (мне) кажется, естественно, по-видимому, скорее всего, по всей видимости; maybe, possibly, perhaps, probably, of course, certainly, obviously, it seems to me*), модальных глаголов (*может, должен, may, might, can, must, should, would, seem*), модальных предикативов (*можно, нужно, нельзя, неизбежно, необходимо*), аппроксиматоров (сигналов приблизительности) (*примерно, приблизительно, около, порядка, about, around, roughly*), маркеров допущения (*пожалуй, допустим, suppose*), оценки меры (*в какой-то мере/степени, in a way*), сигналов неопределенности (*тупа; своего рода; как бы; якобы; так или иначе; more or less, like, a sort/kind of*). В качестве сигналов повышения/понижения категоричности используются и прямые указания на уверенность/неуверенность говорящего: *сомневаюсь, сомневаться не надо, (у меня) нет (никаких) сомнений, есть сильная неуверенность, (я в этом) уверен, I'm (not quite) sure, no doubt, I don't have any doubt, I can assure you about that*.

Итак, рассмотрим особенности функционирования дискурсивов категоричности/некатегоричности в научном дискурсе. В научной речи проявлены две противоположные прагматические установки, служащие целям более убедительной подачи научной информации – стремление снять категоричность высказывания, с одной стороны, и стремление сделать его более определенным, неоспоримым, с другой. Отсюда необходимость и правомерность принципа категоричности научного высказывания, который соотносится с убежденностью автора в верности своей научной деятельности и полученного им в ее процессе результата. Но поскольку любое знание относительно, то категоричность в научной коммуникации следует смягчать. В научной речи пониженная категоричность речи является традиционным и обязательным правилом, которое объясняется самой природой научного знания – его относительностью, сложившейся традицией, научным этикетом, а также психологией восприятия, когда читателю предоставляется возможность самому оценить факты, без давления со стороны автора. Некатегоричность в научной речи считается ее стилевой чертой и в целом способствует достижению

объективности изложения. Для научной речи в целом характерно стремление избегать слишком прямых и решительных утверждений, так как научный дискурс имеет дело чаще с теориями, гипотезами, обменом мнениями и т.д., а не с жесткими, бесспорными фактами [30; 21].

Чаще всего сигналы категоричности/некатегоричности встречаются в устной неподготовленной диалогической речи – в научной дискуссии, ответах на вопросы на защите/предзащите диссертации, заседании коллектива научного сектора. В этих материалах один такой сигнал встречается в среднем на 39 словоупотреблений (далее для краткости частоту употребления будем обозначать 1:39). Сигналы, понижающие категоричность, в научной дискуссии встречаются в два раза чаще сигналов, ее повышающих (ср. 221 употребление и 113 соответственно). Среди сигналов некатегоричности преобладают модальные слова и конструкции со значением возможности, достоверности, неуверенности: *может быть* (54 употребления), *наверное* (35), *(мне) кажется* (30), вводное слово *может* (16), модальный глагол *может* (34) и предикатив *можно* (33). Среди сигналов категоричности чаще других встречаются *надо* (30), *должен* (28), *конечно* (27), *нужно* (16), *естественно* (16). В следующих фрагментах обсуждения вопросов создания учебного комплекса отмечены дискурсивы со значением некатегоричности, специализирующиеся на этой функции: *Вот я не знаю / с чего / целесообразнее нам начать / но **может быть** вот с чего; **Казалось бы там можно** / скажем обсуждать это не сегодня / но / мы очень четко разграничиваем сейчас / два аспекта; Поэтому вот сейчас предварительно / мы предлагаем такой / м **наверное** компромиссный вариант; Ну скажем / э / это **может** быть / в начале там математика / затем химия / там биология и так далее // Вот **можно** было бы настраиваться на эту волну / но к сожалению в разных вузах это по-разному* (заседание коллектива сектора). Участниками научного обсуждения часто становятся коллеги, настроенные на сотрудничество, нацеленные на решение общей проблемы; они исключительно вежливы, предупредительны и осторожны в своих предложениях, пожеланиях и замечаниях. Отсюда и высокая частота средств, смягчающих возможную категоричность.

Приведем примеры использования дискурсивов со значением категоричности: *Для нас в принципе / не очень важно / э скажем пособие или не пособие / составная часть / вот самого учебника / но / на чем мы настаиваем / что **безусловно** вот скажем четыре вида речевой деятельности **должны** быть там; Я бы считал, что его **не надо** задавать / потому что грамматику первого цикла задавать **не надо** / с самого начала* (заседание коллектива сектора).

В интервью с учеными, частота использования средств категоричности/некатегоричности меньше, чем в научных обсуждениях, и одинакова в русском и английском языке (1:65). В обоих языках дискурсивы, снижающие категоричность, представляют большинство. Однако в английских интервью это большинство значительное. В целом исследованные интервью на

английском языке проводятся в гораздо более некатегоричной манере, чем русские: в английских интервью почти в два раза меньше сигналов категоричности и в полтора раза больше сигналов некатегоричности. Абсолютным лидером по количеству употреблений среди дискурсивов со значением некатегоричности является в английских интервью модальный глагол *can* (63 употребления): *Vision is a sense that's very powerful – it's a long distance sense for us ... and it's very powerful but you have lots of illusions that we **can** exploit where we **can** dissociate, where we **can** cut the simple relationship between the outside world and the world in my head, my mental world.* Остальные дискурсивы зафиксированы в намного меньшем количестве; среди относительно частотных отметим модальные глаголы *might* (14), *could* (10), *would* (9), *may* (5), модальные слова *probably* (14) и *maybe* (11). Примеры из интервью с нейробиологом К. Кохом: *I know that not all of my listeners are familiar with your work, so I thought that **maybe** you **could** start out by telling us a little bit about yourself; It's a subject that **probably** gets more discussion on my discussion forum than any other subject* (interview with Dr. Koch).

Сигналы категоричности в английских интервью не так частотны. Наиболее употребительным оказался тот же глагол *can*, но в отрицательной форме: *cannot (can't)* (19 употреблений); чуть реже используются дискурсивы *of course* (13) и *should* (9). Примеры из интервью с математиком Дж. Ленноксом: *When we go into other areas we **should** check the best arguments from those areas; Einstein once said you can speak of the ethical foundations of science but you **cannot** speak of the scientific foundations of ethics. In other words you **cannot** get ethical values from science; And **of course** I see that initially as Kepler and Newton and all the rest of them saw it* (interview with J. Lennox).

В интервью с русскими учеными самым частотным дискурсивом, понижающим категоричность, оказался модальный глагол *может* (аналог английского *can*): 28 употреблений. Среди других частотных средств отметим предикатив *можно* (23), модальные слова и выражения *может быть* (11), *наверное* (7), *(мне) кажется* (5). Приведем примеры из интервью с историком Н.В. Брагинской: *Если ученый так воспринят на Западе, то и здесь, **наверное**, отношение к нему сразу же очень сильно меняется?; Апеллируя к этому изданию, **можно** было издавать его здесь на русском языке; Я боюсь давать объяснительные модели, они **могут** оказаться очень примитивными; В действительности в гуманитарной сфере мировое научное сообщество если и есть, то все <...>языковые дома очень крепко заперты. Если пропали письма Цветаевой, они куда-нибудь попали. **Может быть**, их истопили в печке, а **может быть**, они где-то лежат. Но никто не знает, что это они. Пропал архив Тынянова, но, **может быть**, он где-то лежит?* (интервью с Н.В. Брагинской).

Из средств повышения категоричности в русских интервью лидируют три дискурсива: *должен* (14 употреблений), *конечно* (13) и *надо* (12). Частотными также являются отрицательная форма глагола *мочь* (*не может*) (7), *нельзя* (7), *нужно* (8), *разумеется* (6). Приведем примеры из интервью с лингвистом Г.Е. Крейдлиным: *Она (лингвистика) объединяет в себе очень много разных наук. Я должен много знать, чтобы это освоить; Конечно, бывают разные ситуации, но я говорю про среднюю картину; Помните, в старой книжке Спока говорилось, что не надо брать детей на руки. Это чепуха!* (интервью с Г.Е. Крейдлиным).

В лекциях обоих языков дискурсивы повышения/понижения категоричности употребляются реже, чем в интервью: 1:86, и этот показатель одинаковый в лекциях на русском и английском языках. В русских лекциях так же, как и в русских интервью, мы наблюдаем довольно большое количество средств категоричности. Причем в русских лекциях средства категоричности используются даже чаще, чем средства некатегоричности (83 и 75 употреблений); и здесь отмечается зависимость соотношения средств категоричности/некатегоричности от индивидуальных особенностей говорящего. Среди конкретных дискурсивов, повышающих категоричность, выделяются те же ВКЕ, что и в интервью: *конечно* (19 употреблений), *должен* (10), *естественно* (9), *не может* (10), *нужно* (7), *надо* (5), *нельзя* (4). Приведем примеры из лекции по лингвистике (в ней сигналы категоричности используются в два раза чаще сигналов некатегоричности): *С этой точки зрения, с точки зрения чисто материальных форм языка нельзя говорить ни о прогрессе, ни о регрессе языка <...> Прогресс языка несомненно есть, развитие языка идет в сторону его улучшения, а не порчи <...> Но при этом нужно опять обратить внимание на то, что и здесь этот прогресс языка оказывается в достаточной степени относительным понятием <...> Поэтому сейчас, конечно, мы имеем гораздо более разветвленную систему понятий в языке* (лекция по лингвистике).

Сигналы некатегоричности в русских лекциях представлены теми же самыми дискурсивами, что и в интервью. Чаще других отмечены глагол *может* (20 употреблений) и предикатив *можно* (18), остальные встречаются намного реже: *наверное* (5), *допустим* (5), *видимо* (4), *в какой-то мере* (4). Приведем примеры из лекции по физике: *В основе термодинамики / лежат / так называемые / начала термодинамики / или их можно называть законами термодинамики; Закон сохранения энергии // может // в различных // областях // случаях / иметь различные способы выражения; Вот это является собственно говоря / наиболее // пожалуй / характерным / определением / э / что такое функция состояния; Скажем в этой формуле // допустим / мы имеет // диаграмму состояний* (лекция по физике).

Английские лекции, так же как и английские интервью, отличаются значительным преобладанием средств некатегоричности (107 употреблений) над средствами категоричности (52). Средства снижения категоричности в лекциях на английском языке в целом такие же, как и в интервью: самым частотным снова оказался модальный глагол *can* (31 употребление), далее следуют глаголы *seem* (14), *could* (8), *may* (8), *might* (7). Приведем примеры из лекции по химии: *The very simplest experiment you **can** do / is using an ionization chamber and I'll draw one of these; You had the idea of a quantum yield / the idea that you **could** destroy / such a percentage of molecules / you **would** form such a percentage of product molecules; But in fact you don't get ten ions / you get typically / two or three ions / **maybe** slightly more than three sometimes but not much more than three* (лекция по химии).

Среди средств категоричности в английских лекциях, которые в целом более редкие, чем в русских, встречается дискурсив *of course* (11 употреблений), отмечен как довольно частотный сигнал *obviously* (6) (в интервью он встретился только один раз), и часто используются модальные глаголы *should* (5) и *must* (5). Зафиксировано также 5 случаев употребления фразы с прямым указанием на уверенность говорящего: *I'm sure*. Примеры из лекции по литературе: *It's just a couple of sections of text / I won't be going through all of them **obviously** besides just not having the time; In fact **of course** it's something which is completely unprovable it has to do with the ideas / of politics in society about gender; I reckon that you **should** always keep in mind the George Bernard Shaw comment that I've quoted on this sheet here; And **I'm sure** that you'll already have come across Ernest Hemingway's famous accolade / where he says ...* (лекция по литературе).

Заключение

В результате проведенного исследования была установлена зависимость частоты использования дискурсивов со значением категоричности/некатегоричности от формы и вида речи. В устных научных жанрах русского и английского языков дискурсивы категоричности/некатегоричности довольно разнообразны и намного более частотны, чем в письменных жанрах (о дискурсивах в научных статьях см. [4; 5]). В монологической речи (в лекциях) обоих языков их меньше, чем в диалогической (в интервью). В спонтанной диалогической речи – научных обсуждениях – дискурсивы категоричности/некатегоричности являются наиболее частотными по сравнению со всеми другими материалами научной речи.

Доказана зависимость частоты использования дискурсивов категоричности и дискурсивов некатегоричности от языка. Количественный анализ дискурсивов в жанрах, которые изуча-

лись на материале двух языков (интервью и лекций), показал в русских материалах бóльшую частотность средств категоричности (173 употребления в русских и 102 в английских), а в английских бóльшую частотность средств некатегоричности (258 в английских и 191 в русских). Следует признать разницу между единицами категоричности/некатегоричности в обоих случаях значительной. В английских материалах преобладание некатегоричных дискурсивов над категоричными характерно и для лекций, и для интервью; в русских – только для интервью, в русских лекциях средства категоричности количественно превышают средства некатегоричности. Полученные результаты подтверждают мнение об английской, в том числе научной, речи как о довольно сглаженной, неимпозитивной, некатегоричной по сравнению с русской [12].

Лексические средства реализации категории категоричности/некатегоричности оказались универсальными для монологического и диалогического видов дискурса и для двух языков: репертуар средств категоричности/некатегоричности во всех изученных жанрах научной речи двух языков очень похож. В русском языке по частоте использования выделяются четыре дискурсива: самым частотным стал глагол *мочь* (48 употреблений), далее отмечены *можно* (41), *конечно* (32), *должен* (24). В английских материалах выделяются шесть дискурсивов: чаще всего встречается глагол *can* (94), затем следуют *of course* (24), *cannot* (22), *might* (21), *seem* (20), *could* (18). Как можно заметить, среди английских самых частотных дискурсивов отсутствует дискурсив со значением долженствования, когда как в русском языке он выделен. И это еще раз подчеркивает бóльшую категоричность русской научной речи по сравнению с англоязычной.

Важность коммуникативных единиц, помогающих регулировать выражение категоричности в любой речи, не вызывает сомнения. Знания и навыки, связанные с правильным, уместным, адекватным ситуации употреблением единиц, повышающих и понижающих категоричность, составляют важную часть коммуникативной компетенции говорящего. Использование продуктивной категоричности в речи позволяет оказать необходимое воздействие на аудиторию. Употребление средств, снижающих категоричность, смягчающих речь, способствует гармоничному, эффективному взаимодействию, позволяющему говорящим выполнять свои коммуникативные намерения. Соблюдение баланса между единицами, повышающими и понижающими категоричность, является необходимым коммуникативным умением, которому следует обучать при изучении не только иностранного языка, но и родного.

Список литературы

1. Андреева С.В. Конструктивно-синтаксические единицы устной русской речи. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 192 с.
2. Акульшина О.А. Коммуникативная категория категоричности и близкие ей коммуникативные категории // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 15-20.
3. Баранов А.Н. Кобозева И.М. Вводные слова в семантической структуре предложения // Системный анализ значимых единиц русского языка. – Красноярск, 1984. С. 83-93.
4. Викторова Е.Ю. Некоторые особенности употребления дискурсивных слов в разных научных дисциплинах (на материале английского языка) // Языки в современном мире: материалы X международной конференции. – М.: КДУ, 2012. С. 135-140.
5. Викторова Е.Ю. Роль устной и письменной формы речи в использовании вспомогательных коммуникативных единиц (на материале научной речи русского и английского языков) // Сибирский филологический журнал. 2014. № 2. С. 218-225.
6. Виноградов В.В. Русский язык. – М., 1972. 616 с.
7. Гущина Г.И. Категорические и некатегорические высказывания в диалогической речи: на пример русских и английских художественных текстов первой половины XX в.: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2009. 178 с.
8. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. – М.: Метатекст, 1998. 446 с.
9. Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. ст. / Сост. К. Киселева, Д. Пайар. – М.: «Азбуковник», 2003. 206 с.
10. Захарова Е.П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации. Межвуз. сб. науч. Трудов. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 12-19.
11. Кормилицына М.А. Категоричность и способы ее смягчения в современной прессе // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2007. С. 62-72.
12. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.
13. Милянчук Н.С. Лингвопрагматическая категория некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владивосток, 2005. 23 с.

14. Мусиенко Е.А. К проблеме средств выражения неуверенности в современном английском языке // Электронный архив Сумского университета. URL: <http://ru.essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/25550/1/Musienko.pdf> (дата обращения 14.11.2014).
15. Орехова Е.Н. Субъективная модальность высказывания: форма, семантика, функции: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2011. 44 с.
16. Падучева Е.В. Модальность // Русская корпусная грамматика. На правах рукописи. – М., 2014. URL: <http://rusgram.ru/> (дата обращения 14.11.2014).
17. Рагозина Е.В. О составе модальных значений и особенностях их реализации в вопросительных предложениях // Вестник Воронежск. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 90-94.
18. Романова Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2008. 309 с.
19. Русская грамматика. В 2-х т. – М.: Наука, 1980. // URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения 14.11.2014).
20. Стернин И.А. Проблемы формирования категории толерантности в русском коммуникативном сознании // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. С. 130-150.
21. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. 2-е изд. – М., 2006. 696 с.
22. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Волгоград, 2010. 38 с.
23. Aijmer K. English Discourse Particles. Evidence from a Corpus. – Amsterdam: John Benjamins Publ. Company, 2002. 299 p.
24. Boncea I. Hedging Patterns Used as Mitigation and Politeness Strategies // Annals of the University of Craiova. Series: Philology, English. No. 2 (2014). Pp. 7-23.
25. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 347 p.
26. Fischer K. From Cognitive Semantics to Lexical Pragmatics: The Functional Polysemy of Discourse Particles. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
27. Fraser B. Conversational Mitigation // Journal of Pragmatics, no. 4 (1980). Vol. 4: 341-350.
28. Fraser B. Pragmatic Competence: The Case of Hedging // New Approaches to Hedging / Ed. G. Kaltenbock, W. Mihatsch, S. Schneider. Emerald Group Publ. Ltd, 2010. Pp. 15-34.

29. Hübler A. *Understatements and Hedges in English*. – Amsterdam: John Benjamins, 1983. 192 p.
30. Hyland K. Prudence, Precision and Politeness: Hedges in Academic Writing // *Quaderns de Filologia. Estudis Lingüistics*, no.10 (2005): 99-112.
31. Lakoff G. *Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts*. Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, 1972. Pp. 183-228.
32. Markkanen R., Schröder H. *Hedging: A Challenge for Pragmatics and Discourse Analysis // Hedging and Discourse: Approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts*. – Berlin: de Gruyter, 1997. Pp. 3-18.
33. Martinovski B. *Mitigation // The Pragmatics Encyclopedia / Ed. L. Cummings*. – NY: Routledge, 2009. Pp. 273-274.
34. Schröder H., Zimmer D. *Hedging Research in Pragmatics: A Bibliographical Research Guide to Hedging // Hedging and Discourse: Approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts*. – Berlin: de Gruyter, 1997. Pp. 249-271.

References

1. Andreeva S.V. *Konstruktivno-sintaksicheskie edinitsy ustnoy russkoy rechi* [Constructive-syntactic Units of Spoken Russian Discourse]. – Saratov: Saratov Univ. Publ., 2005. 192 p.
2. Akul'shina O.A. *Izvestiya Saratovskogo un-ta* [The Journal of Saratov University]. Vol. 14, no. 1 (2014): 15-20.
3. Baranov A.N. Kobozeva I.M. *Sistemnyy analiz znachimykh edinits russkogo yazyka* [Systematic Analysis of Essential Units of the Russian language]. – Krasnoyarsk, 1984. Pp. 83-93.
4. Viktorova E.Yu. *Yazyki v sovremennom mire: materialy Kh mezhdunarodnoy konferentsii* [Languages in the modern world: Proceed. of the 10th International Conference]. – M.: KDU, 2012. Pp. 135-140.
5. Viktorova E.Yu. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Philological Journal], no. 2 (2014): 218-225.
6. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk* [The Russian Language]. – Moscow, 1972. 616 p.
7. Gushchina G.I. *Kategoricheskie i nekategoricheskie vyskazyvaniya v dialogicheskoy rechi: na primer russkikh i angliyskikh khudozhestvennykh tekstov pervoy poloviny XX v.* [Assertive and Hedged Sentences in Dialogue: Based on Russian and English Fiction of the First Half of the XX century]. – Ufa, 2009. 178 p.

8. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya* [Discourse Markers in Russian: the Attempt of the Context-Semantic Description]. – Moscow: Metatekst, 1998. 446 p.
9. *Diskursivnye slova russkogo yazyka: kontekstnoe var'irovanie i semanticheskoe edinstvo* [Discourse Markers in Russian: context variety and semantic unity]. – Moscow: Azbukovnik, 2003. 206 p.
10. Zakharova E.P. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. – Saratov: Saratov Univ. Publ., 2000. P. 12-19.
11. Kormilitsyna M.A. *Problemy rechevoy kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. – Saratov: Saratov Univ. Publ., 2007. Pp. 62-72.
12. Larina T.V. *Kategoriya vzhlivosti i stil' kommunikatsii: Sopostavlenie angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [Politeness and Communicative Style: Comparative Study of English and Russian Linguo-cultural Traditions]. – Moscow: Manuscripts of Ancient Rus, 2009. 512 p.
13. Milyanchuk N.S. *Lingvopragmaticheskaya kategoriya nekategorichnosti vy-skazyvaniya v nauchnom stile sovremennogo russkogo yazyka* [Linguo-pragmatic Category of Hedging in Modern Academic Russian Discourse]. – Vladivostok, 2005. 23 p.
14. Musienko E.A. *Elektronnyy arkhiv Sumskogo universiteta* [Electronical Repository of Sumy University] <http://ru.essuir.sumdu.edu.ua/bitstream/123456789/25550/1/Musienko.pdf> (accessed November 14, 2014).
15. Orekhova E.N. *Sub»ektivnaya modal'nost' vyskazyvaniya: forma, semantika, funktsii* [Subjective Modality of the Sentence: Forms, Meaning, Functioning]. – Moscow, 2011. 44 p.
16. Paducheva E.V. *Russkaya korpusnaya grammatika* [Russian Corpus Grammar]. – Moscow, 2014. <http://rusgram.ru/> (accessed November 14, 2014).
17. Ragozina E.V. *Vestnik Voronezhsk. un-ta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Journal of Voronezh University. Philology and Journalism], no. 1 (2009): 90-94.
18. Romanova T.V. *Modal'nost'. Otsenka. Emotsional'nost'* [Modality. Evaluation. Emotionality]. – Nizhniy Novgorod: N.A. Dobrolyubov NGLU Publ., 2008. 309 p.
19. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow: Academy, 1980. <http://rusgram.narod.ru/> (accessed November 14, 2014).
20. Sternin I.A. *Kul'turnye praktiki tolerantnosti v rechevoy kommunikatsii* [Cultural Practices of Tolerance in Speech Communication]. – Ekaterinburg: UrGU Publ., 2004. Pp. 130-150.
21. *Stilisticheskii entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Russian Stylistic Encyclopedian Dictionary]. – Moscow, 2006. 696 p.

22. Takhtarova S.S. *Kategoriya komunikativnogo smyagcheniya* [Category of Mitigation]. – Volgograd, 2010. 38 p.
23. Aijmer K. *English Discourse Particles. Evidence from a Corpus*. – Amsterdam: John Benjamins Publ. Company, 2002. 299 p.
24. Boncea I. Hedging Patterns Used as Mitigation and Politeness Strategies. *Annals of the University of Craiova*. Series: Philology, English, no. 2 (2014): 7-23.
25. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 347 p.
26. Fischer K. *From Cognitive Semantics to Lexical Pragmatics: The Functional Polysemy of Discourse Particles*. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.
27. Fraser B. *Conversational Mitigation*. *Journal of Pragmatics*. Vol. 4, no. 4 (1980): 341-350.
28. Fraser B. Pragmatic Competence: The Case of Hedging. *New Approaches to Hedging* / Ed. G. Kaltenbock, W. Mihatsch, S. Schneider. Emerald Group Publ. Ltd, 2010. Pp. 15-34.
29. Hübler A. *Understatements and Hedges in English*. – Amsterdam: John Benjamins, 1983. 192 p.
30. Hyland K. Prudence, Precision and Politeness: Hedges in Academic Writing. *Quaderns de Filologia. Estudis Lingüistics*, no. 10 (2005): 99-112.
31. Lakoff G. *Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts*. Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, 1972. Pp. 183-228.
32. Markkanen R., Schröder H. Hedging: A Challenge for Pragmatics and Discourse Analysis. *Hedging and Discourse: Approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts*. Berlin: de Gruyter, 1997. Pp. 3-18.
33. Martinovski B. Mitigation. *The Pragmatics Encyclopedia* / Ed. L. Cummings. – NY: Routledge, 2009. Pp. 273-274.
34. Schröder H., Zimmer D. Hedging Research in Pragmatics: A Bibliographical Research Guide to Hedging. *Hedging and Discourse: Approaches to the analysis of a pragmatic phenomenon in academic texts*. – Berlin: de Gruyter, 1997. Pp. 249-271.

ДАнные ОБ АВТОРЕ

Викторова Елена Юрьевна, доцент кафедры английской филологии, кандидат филологических наук

Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

ул. Астраханская, 83, г. Саратов, 410012, Россия
E-mail: helena_v@inbox.ru
SPIN-код в SCIENCE INDEX: 1154-6781

DATA ABOUT THE AUTHOR

Viktorova Elena Yurievna, Associate Professor of the English Philology Department, Candidate of Philology

Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
83, Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: helena_v@inbox.ru

Рецензент:

Елина Евгения Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, теоретической и прикладной лингвистики Саратовской государственной юридической академии